

ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ...

Законопроект о политических партиях, внесенный Президентом в Государственную Думу, остается в центре общественного внимания.

Содержание этого документа и альтернативных законопроектов неоднократно обсуждалось на общественных слушаниях, организованных Независимым институтом выборов с участием лидеров политических партий и движений, широкого круга специалистов. Материалы этих слушаний публиковались в нескольких номерах нашего журнала.

В связи с принятием президентского законопроекта Государственной Думой в первом чтении особенно актуальным становится вопрос, что ждет российские партии в будущем, каковы перспективы развития партийно-политической системы в нашей стране после вступления его в силу, какие поправки нужно внести в этот документ на стадии второго и третьего чтений, чтобы минимизировать негативные последствия от его принятия как для партий, так и для общества в целом. Эти и многие другие вопросы обсуждались депутатами Государственной Думы и ведущими политологами на заседании Круглого стола «Экспертиза», состоявшемся недавно в Горбачев-Фонде.

Ниже мы публикуем некоторые из выступлений участников, подготовленные на основе сокращенного варианта стенограммы заседания Круглого стола. Редакция выражает признательность исполнительному секретарю Круглого стола «Экспертиза» Елене Горской за помощь в подготовке материала.

СКОЛЬКО ОСТАНЕТСЯ ПАРТИЙ И КАКИХ?

Вокруг законопроекта о партиях уже сломано столько копий, что вряд ли целесообразно подробно разбирать его содержание. Поэтому остановимся кратко только на двух важных «прикладных» вопросах.

Первый вопрос — **сколько будет партий, и какие это будут партии?** Для начала оговорим, каких партий точно не будет, не только в силу нового закона, но потому, что они невозможны по всей логике российской политики.

Во-первых, не будет «вестминстерских партий», то есть двух «партий-гигантов» двухпартийной системы (условно, «партии власти» и КПРФ): подлинная «двухпартийность» невозможна, если власть не может (хотя бы теоретически) перейти к другой партии и обратно, а вряд ли сегодня можно представить, как власть переходит в руки Зюганова «сотоварищи».

Во-вторых, вряд ли есть реальная возможность формирования системы с доминантной партией (по образцу мексиканской Институционно-революционной, Индийского Национального Конгресса или итальянской Христианско-демократической партии). Дело в том, что эти партии представляли собой широкие элитные коалиции, решавшие «внутри себя» вопросы выдвижения во власть, номинирования лидеров на высшие государственные посты и определения курса политики страны. Следовательно, подобный план подразумевал бы превращение «Единства» в реальную и сильную партию, что вряд ли вписывалось бы в «политическое видение» Кремля и, кроме того, было бы трудно реализуемо в организационном плане (как показал II съезд «Единства», оно сталкивается с серьезными проблемами в партийном строительстве).

Не появится гражданских партий, потому что гражданские партии — это «казачья вольница», а новый закон эту вольницу искореняет.

На нынешней стадии рассмотрения проблемы точного ответа на вопрос о количестве и «внутреннем содержании» партий дать невозможно. Во-первых, пока

неясно, с какой степенью «жесткости» будут сформулированы в законе нормы, ставящие партии под контроль государства. Еще большая неопределенность связана с практикой применения подобных норм. Например, формально выйти на требуемую численность партии не так трудно (хотя бы применив ту же модель, что при «коммерческом сборе подписей» избирателей), следовательно, встанет вопрос о пределах контроля и проверок реальной численности. Во-вторых, предполагаемый законом «переходный период» и льготные правила для регистрации думских партий не позволят начать «партийную жизнь с чистого листа».

Первой естественной реакцией всех сколь-либо жизнеспособных партий будет попытка «дотянуться» до новых требований. Очевидно, что сегодня «с нуля» создать партию, соответствующую требованиям будущего закона, невозможно. Это потребовало бы масштабных финансовых и организационных ресурсов, которые сегодня вложить в «партстроительство на пустом месте» не может никто, кроме исполнительной власти. Шансы на успех в превращении в партию «нового типа» имеют либо уже сложившиеся парламентские политические объединения, либо общественные движения, располагающие реальной активистской базой в масштабах России. С этой точки зрения можно выделить **три группы потенциальных партий**.

Думские партии. Все шесть «партий думских фракций» имеют реальные шансы на перерегистрацию по требованиям нового закона. Две из них пройдут новую процедуру безо всяких проблем. Это, разумеется, КПРФ, которая и сейчас соответствует количественным параметрам членства (около полумиллиона членских билетов практически во всех субъектах РФ) и «Единство», которое как «партия власти» может легко выйти на заданные параметры.

Еще три партии (Союз правых сил, «Яблоко» и ЛДПР) имеют

сOLIDный запас стартовых ресурсов для партийного строительства: парламентские фракции, узнаваемых лидеров, сеть партийных организаций во многих регионах, достаточно долгую партийную историю и «идейную узнаваемость». Тем не менее, шансы каждой из них не абсолютны. Даже если они «автоматически» сохранят свой статус как представленные в Думе партии, в случае неудачи на следующих выборах, они будут обречены на тот же «тернистый путь» перерегистрации.

ЛДПР еще несколько лет назад располагала общероссийской партийной сетью немалого масштаба. Формально все эти организации существуют и сегодня, причем по массовости и мобилизованности они, пожалуй, уступают только коммунистам. Однако после череды провалов — сначала на всех региональных выборах, а затем и в федеральных кампаниях Жириновского — эти организации пребывают в состоянии полураспада. Сможет ли Жириновский мобилизовать их до требуемого по новому закону уровня массовости, пока неясно.

«Яблоко» — наиболее близкая к критериям новой партии организация в демократической части политического спектра. Но и ей будет нелегко довести «устойчивое» членство до 10 тыс. человек. Тем более трудно это будет для СПС, который опирается на порядок «износившийся» актив ДВР и других мелких демократических партий. Тем не менее, шансы на появление одной или двух партий либерального толка достаточно высоки.

Менее надежными представляются шансы «Отечества». Формально большой актив, равно как и изобилие «фланкирующих» организаций, казалось бы, дают ему шанс. Но утрата «смысла существования», фактический уход Лужкова из федеральной политики и низкий интерес региональных элит к «Отечеству» (для них более привлекательна «настоящая» партия власти, то есть «Единство») предельно затрудняют этот процесс.

Только появление новых стимулов и/или очевидное «проседание» «Единства» могут дать возможность для превращения «Отечества» в партию.

Партии депутатских групп.

В том или ином виде все три депутатские группы нынешней Думы («Народный депутат», «Регионы России» и Аграрно-промышленная группа) попытаются выйти на требования нового закона, чтобы использовать свое положение думских инкубентов и получить право выдвигать кандидатов по одномандатным округам.

У групп «Народный депутат» и «Регионы России» уже существуют общероссийские политические движения, которые пока играли вспомогательную, координирующую роль. Теперь обеим группам придется вместо традиционного для них обличения партий и подчеркивания «прямой связи» с избирателем перейти к партийной пропаганде. Отметим, что пока в России не было удачных прецедентов создания политических партий на базе объединений одномандатников, хотя несколько таких попыток в прошлом предпринимались.

Сегодня «суровая необходимость» нового закона может задать сильный организующий стимул, который в случае «Народного депутата» может быть подкреплен и поддержкой из властных структур.

Аграрная партия в прошлом избирательном цикле сохраняла немалую активистскую базу, поддерживаемую административным ресурсом в аграрном секторе. Однако пережитый в 1999 г. раскол и «кризис идентичности» привели к размыванию этой базы. Сегодня АПР имеет только одну надежду на «конституирование» – если КПРФ сочтет, что ей необходим «аграрный союзник» и поделится своим ресурсом, партия получит пропуск в новую партийную систему.

Партии, рожденные Кремлем.

К этой категории относится не только упомянутые выше «Единство» и «Народный депутат», но и такой «побочный» проект властных структур как альтернативное левое движение «Россия». Не исключено, что политическая конъюнктура побудит власть оказать содействие каким-либо другим организациям, не способным самостоятельно выйти на критерии нового закона, – это могут быть и ЛДПР, и возможные «раскольники» в либеральном лагере.

Партии-аутсайдеры. Все остальные российские партии или

общественные объединения имеют еще менее весомый пакет ресурсов. Какие-то шансы могут быть у тех из них, кто сохранил «со старых времен» активистские сети. Заметим, что при прочих равных более предпочтительными выглядят перспективы политических движений, опирающихся на традиционалистский сегмент общества, более привычный к партийным билетам и партийной дисциплине, тогда как либеральная, индивидуалистическая, молодежная субкультура по своему складу с трудом поддается уставным требованиям.

Еще две организации левокоммунистического спектра располагают членской базой, сопоставимой с требованиями нового закона. Это Российская коммунистическая рабочая партия В.Тюлькина и Движение в поддержку армии В.Илюхина (правда, во втором случае, видимо, имеет место «двойное членство» в КПРФ и ДПА, которое может быть запрещено новым законом). Тем не менее вероятность появления в «высшей лиге» хотя бы одной радикальной коммунистической организации довольно велика.

Два объединения – «Женщины России» и «Союз труда» (политическое крыло ФНПР) унаследовали с советских времен обширные активистские сети. Чтобы пройти сквозь игольное ушко нового закона, им надо всего лишь «принять в партию» свой актив.

Партия пенсионеров накануне прошлых выборов распространила 600 тыс. партийных билетов. При наличии определенных ресурсов и присущего этой партии «предпринимательского подхода» к партистроительству она также имеет шансы выполнить требование по массовости.

Итак, скорее всего требования нового закона смогут соблюсти всего 8-15 партий, среди которых окажутся до шести реальных парламентских партий со своими электоральными ядрами и одна-две левые партии-аутсайдеры.

Такие «безликие» партии, как «Женщины России», «Союз труда», Партия пенсионеров вряд ли могут рассчитывать на электоральный успех при самостоятельном выступлении, но они могут «торговать» своим партийным статусом, если перед новыми выборами появится политическая сила, заинтересованная в том, чтобы принять в них участие. Механизм объединения «безли-

ких» партий в избирательные блоки под новых лидеров был успешно опробован и ОВР, и «Единством» в 1999 году. Кроме того, каждая из партий сможет выгодно «торговать» своим эксклюзивным правом выдвигать кандидатов в одномандатных округах.

Таким образом, **огонь, воду и медные трубы по новому закону могут пройти лишь несколько партий, причем в большинстве своем ориентированных на лояльное сотрудничество с федеральной исполнительной властью.** Возможное исключение – радикальная коммунистическая организация, основанная на жесткой идейной и организационной дисциплине, – существенно не изменит такую картину.

Второй вопрос, на котором я хотел бы остановиться, – **что возможно и что нужно изменить в конкретных нормах закона?**

Очевидно, что закон, основанный на президентском проекте, будет принят. Таким образом, решающую роль в определении формата этого закона приобретают конкретное содержание и формулировки законодательных норм. Если исполнительная власть стремится вооружить себя механизмом контроля над партиями, то задача партий, в руках думских представителей которых сегодня находится законопроект, – ограничить этот контроль четкими рамками «демократического духа» и «разумной достаточности». К числу таких необходимых поправок, на наш взгляд, относятся следующие.

Первое. Четкое определение порядка регистрации и deregистрации партий (и обжалования решений регистрирующего органа). Макси-

БУДЕТ,

мальное упрощение порядка регистрации, составление минимально достаточного и непременно закрытого списка оснований для deregистрации. В частности, было бы целесообразно установить, что deregистрация по основаниям численности членов партии или количества региональных организаций не может применяться к партиям, прошедшим в Думу на предыдущих парламентских выборах (вариант: набравших на выборах более 3% голосов). Целесообразно также запретить deregистрацию по тем же основаниям или даже тотальную проверку соответствия партий количественным критериям в последние 12 месяцев перед плановыми выборами в Думу (чтобы ослабить искушение воспользоваться контрольными механизмами в электоральных целях).

Второе. Устранение формулировок о запрете «авторитарного характера» партий или « экстре-

мизма» их программ. Этих определений никому в России пока не удалось сформулировать удовлетворительным образом – ни в законодательных актах (вспомним печальную судьбу закона об экстремизме), ни в прокурорской и судебной практике (вспомним провалившиеся попытки привлечь к ответственности А.Макашова), ни даже на уровне политической культуры. Следовательно, если такие формулировки появятся в тексте закона о партиях, велика опасность произвольного использования их против «неудобных». В законе же можно ограничиться общими формулировками о том, что «партии должны соблюдать действующее законодательство».

Третье. Отмена пункта о государственном финансировании партий. Во-первых, в достаточных для нормальной деятельности объемах этого финансирования все равно не будет. Во-вторых, в условиях когда понятия «государство» и «исполнительная власть» фактически слиты воедино, сам факт финансирования может быть использован исполнительной властью против партий в популистской демагогии типа *мы им тут деньги платим, а они...*

Четвертое. Памятуя об опыте 1998 г., когда новые требования закона о гарантиях прав избирателей уже вступили в силу, но ни одна партия еще не успела принять соответствующих поправок в свой устав, абсолютно необходимо четко прописать в избирательном законодательстве «переходные положения» на двухлетний период, отводимый на создание партий по новому закону. Нужно четко

определить, кто имеет право выставлять партийные списки и кандидатов в течение этого переходного периода – логично, на наш взгляд, сохранить на это время «старые» правила. В противном случае, если Дума будет распущена в течение ближайших двух лет, в стране может возникнуть конституционный кризис: пассивным избирательным правом «временно» не будет обладать никто.

Таким образом, представляется, что главная опасность в новом законе относится не к действующим крупным политическим партиям: с высокой долей вероятности они «подстроятся» под его требования, а степень «манипулируемости» партиями со стороны государства повысится, но не настолько, чтобы обесмыслить их как субъекты политики. **Самое «узкое» место этого закона в том, что он «засушивает» партийную жизнь, создает высокие барьеры для появления новых партий или трансформации существующих в соответствии с общественным запросом.** Врожденные пороки российских партий, и в первую очередь – их «оторванность от народа», при новом законе не излечатся, а приобретут еще более тяжелый и хронический характер. Кроме того, возникает опасность, что новые общественные движения, испытывая сложности с получением статуса партии, будут больше тяготеть к «несистемности». Правда, обозначенная опасность все же носит перспективный, а не сиюминутный характер, а значит, по мере развития ситуации будет сохраняться и возможность ее корректировки.

Владимир РЫЖКОВ

Депутат Государственной Думы, член Комитета по делам Федерации и региональной политике

ИМИТАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ РЕФОРМЫ

Предложенный Владимиром Путиным и его администрацией партийный закон выглядит экзотично. Заявленная целесообразность его принятия состоит в «упорядочивании» российского партийно-политического поля путем перерегистрации всех ныне действующих партий (более полутора сотен) на более жестких условиях, чем ныне действующих, а

также отсечения от федеральных выборов любых иных политических объединений, кроме общенациональных партий. Партии будут в значительной мере беззащитны перед возможным произволом бюрократии, в то время как реальная ответственность чиновников за воспрепятствование деятельности партий законом не установлена.

Очевидно, что закон широко

учитывает ведомственные интересы Центризбиркома, Минюста, Генпрокуратуры и, в первую очередь, администрации Президента, получающей разнообразный инструментарий давления и влияния на партии.

Менее очевидны выгоды поддерживающих закон думских партий, хотя одним из возможных мотивов их положительного голосования

может быть названа надежда на объективное сокращение в результате появления закона числа политических партий, а стало быть, числа возможных конкурентов на следующих выборах.

Но что невозможно обнаружить во всей этой затее, так это интересы общества. Ни одна из фундаментальных причин, обуславливающих слабость гражданского общества и такого важнейшего его института, как политические партии, не устраняется. Парламент не приобретает никаких новых полномочий. Партии по-прежнему будут отстранены от реального управления страной. Исполнительная власть по-прежнему будет внепартийной и подчиненной только главе государства. Никаких новых условий для усиления роли партий в региональной и местной политике также не появится.

Более того, новый партийный закон может усугубить дело. Ведь согласно ему под запрет попадут экологические, женские, региональные и местные политические партии. Куда сложнее будет создать и зарегистрировать новую партию. Оппозиции, если она когда-то появится, будет труднее привлечь средства спонсоров, так как финансы партий будут поставлены под контроль государственных органов.

Отчуждение между обществом и политикой может не смягчиться, а напротив, возрасти.

Таким образом, мы имеем дело не с партийной реформой, а с ее имитацией. **Подлинная партийная реформа должна состоять в изменении политической и конституционной роли партий и парламента, например, в переходе к формированию правительства страны на основе парламентского большинства, образовавшегося по результатам очередных парламентских выборов** (как в странах Восточной Европы и Балтии). Предложенный

же Путиным подход ведет к прямо противоположному – еще большей оторванности партийной политики от общества, к еще большим возможностям для манипулирования партиями и парламентом со стороны президентской власти.

После дружного принятия президентского законопроекта в первом чтении подавляющим большинством голосов в Думе, вопрос о судьбе этой своеобразной «реформы» можно считать решенным. Попытки демократически настроенных депутатов улучшить текст за счет изъятия наиболее драконовских норм, будучи даже успешными, мало что изменят по существу. Проект концептуально неприемлем с точки зрения фундаментальных интересов общества. Его принятие в любом виде приведет к негативным последствиям.

Во-первых, после перерегистрации уцелеет не более четверти ныне существующих партий.

Во-вторых, региональные и местные партии лишатся серьезного будущего. В национальных республиках (таких, как Татарстан) в перспективе это может подстегнуть сепаратистские настроения радикально настроенных представителей национальных элит.

В-третьих, будет серьезно осложнена перспектива появления в России ответственной и серьезной оппозиции, что стратегически делает правящий режим слабым и неустойчивым перед лицом любых внезапных кризисов (примеров несть числа – Тер-Петросян в Армении, Милошевич в Югославии, Эстрада на Филиппинах). Нет большего гаранта политической стабильности, чем могущественная и влиятельная оппозиция. Понимает ли это нынешнее российское руководство?

В-четвертых, и без того ничтожно малое число российских граждан, участвующих сегодня в партийной жизни (по некоторым оценкам – не более 0,5% от числа граждан,

имеющих право голоса), рискует еще более сократиться.

Судя по всему, российская государственность и политика медленно эволюционируют в сторону таких моделей, в которых классический набор демократических институтов лишь более или менее успешно прикрывает подлинные механизмы осуществления власти, в реальности принадлежащей неподконтрольной слабо развитому гражданскому обществу государственной бюрократии (с характерно большим влиянием силовых структур), тесно связанной коррупционными и иными связями с национальным капиталом. Такая модель предполагает подчиненную, а порой, откровенно марионеточную роль парламента и политических партий, ограниченную свободу слова, административную и финансовую централизацию, стремление к политическому популизму и широкому манипулированию дезориентированным и не имеющим иммунитета к имперско-патерналистским мифам общественным сознанием.

У подобных моделей есть только один недостаток. В современном мире они безнадежно неконкурентоспособны.

Вячеслав НИКОНОВ

Президент Фонда «Политика»

В ЧИНОВНИЧЬЕЙ МАНЕРЕ

Достижение целей структурирования партий и партийно-политической системы возможно разными путями. Можно, не впадая в бюрократический раж,

изменить законодательство о выборах таким образом, чтобы партиям самим стало выгодно укрупняться, сливаться, апеллировать к максимально широким

слоям электората и создавать структуры в каждом населенном пункте. Для этого вполне хватило бы отмены откровенно антипартийных норм избирательного

БУДЕТ,

законодательства и введения мажоритарной одномандатной избирательной системы с выдвижением кандидатов исключительно от партий. Как доказано в политической теории, такая система дала бы нам трех-пятифракционный парламент (а значит – трех-пятипартийную систему) через два-три тура выборов.

Другой путь – заставить партии структурироваться и заниматься своим делом в принудительном порядке. Такой подход порочен с точки зрения обеспечения естественной эволюции партийно-политической системы, но зато прекрасно вписывается в российскую политическую традицию с ее тенденцией все централизовать, зарегулировать и не пускать естественные процессы на самотек.

Предложенный Центризбиркомом и поддержанный Президентом закон о политических партиях – попытка достичь вполне рациональных целей, но в типично российской чиновничьей манере.

В проекте много здравых моментов. Нельзя не приветствовать превращение партий в монополистов избирательного процесса. Полезным будет вымывание мелких партий, обусловленное более жесткими требованиями к их регистрации, хотя они и так в скором времени исчезли бы естественным путем. Хорошо, что партиям предписано участвовать в выборах на местном уровне, хотя непонятно, зачем заставлять их делать это по закону, когда того же результата можно было добиться введением мажоритарной системы и выдвижением кандидатов на посты

руководителей субъектов Федерации только от общенациональных партий.

Я склонен поддерживать поощрение крупных партий через их государственное финансирование, поскольку это позволило бы сделать предвыборный процесс более прозрачным и чистым, ослабить прямое влияние финансовой олигархии на партии и их избранных представителей в органах власти. Однако объем предлагаемого финансирования настолько мизерный, что не может служить ни серьезным поощрением для крупных партий, ни средством избавления от «черной кассы» и нелегальных спонсоров.

В целом законопроект представляет собой набор шагов в правильном направлении, призванных помочь крупным партиям, сделать их настоящими партиями и сократить количество партий. Но этот набор далеко не исчерпывающий, противоречивый и бюрократический.

К тому же в проекте есть отдельные положения, которые не имеют прецедента в мировой практике и вредны как для партий, так и для демократического процесса. Прежде всего, речь идет о введении фиксированного членства, что совершенно не обязательно и даже противопоказано крупным электоральным партиям. Какая разница, сколько в партии членов – 10 или 100 тысяч – если безотносительно количества членов за нее голосуют миллионы избирателей или, напротив, не голосует никто. При этом, фиксируя членство, партия может отбить у нечленов охоту за нее голосовать. Дух КПСС неистребим.

Еще хуже, что формальный критерий количества членов (а считать, как известно, можно по-разному) является основанием для запрета партии государственными органами. Эта норма откровенно антидемократическая и в цивилизованных странах не встречается.

Тем не менее, если законопроект о партиях будет принят в нынешней редакции, его влияние на развитие партийно-политической системы не будет драматическим и проявится не сразу.

В связи с тем, что в 2001 г. общенациональных выборов, к которым партиям надо самоопределяться и приводить себя в

соответствие с новым законом, не предвидится, перерегистрация партий растянется и на следующий год. Все объединения, представленные в Госдуме, и многие непредставленные зарегистрируются как партии, причем постараются сделать это раньше других, демонстрируя организационную мощь и стабильность членства. Мелкие партии бросятся скупать 10 тыс. членов в более чем половине субъектов Федерации, и немало из них в этом преуспеют. Крупные партии попробуют выдвигать своих кандидатов на региональных выборах (коль скоро это требование закона), что может вновь партизировать губернаторские выборы, которые в последние годы проходили в подчеркнуто непартийном ключе.

По мере приближения следующих думских выборов 2002–2003 годов будут усиливаться стимулы для слияния партий, и этот процесс примет форму поглощения мелких (явно не набирающих требуемого членства) крупными. Количество официально зарегистрированных субъектов избирательного процесса сократится с нынешних 200 до 40–60.

Принятие закона не приведет к формированию двухпартийной системы. Сам по себе он вообще никак не повлияет на количество партий, представленных в парламенте. Это количество в принципе зависит только от двух факторов. Первый – характер избирательной системы. При сохранении нынешней смешанной системы с пятипроцентным барьером в Думе в соответствии с законами арифметики всегда будет 4–8 фракций и несколько самостоятельных депутатских групп из одномандатников. Второй – наличие или отсутствие к следующим выборам сильной партии власти без кавычек (а она может возникнуть только во главе с Президентом), способной получить так много голосов (скажем, больше 40–50%), что остального электората не хватит для преодоления пятипроцентного барьера большому количеству партий.

Но нужна ли такая партия власти стране и самому Владимиру Путину? Я всегда был и остаюсь при глубоко убеждении – власть должна быть партийной, и партия власти необходима. Очевидно, к этому мнению склоняется и Путин, заявивший в послании

Федеральному Собранию в 2000 г., что кандидатуры следующего президента должны быть выдвинуты от партий.

Но не думаю, что при этом его вдохновляет перспектива уже сейчас нести ответственность за неизбежные «художества» соратников по партии, в которую запишутся очень многие, в том числе, наверняка, личности одиозные.

Владимир ЛЫСЕНКО

Депутат Государственной Думы, заместитель председателя Комитета Госдумы по делам Федерации и региональной политике

Полагаю, Путин совершит акт партийного самоопределения не раньше начала следующей думской кампании, которая при спокойном сценарии пройдет в 2003 году. Делать это раньше — не вижу целесообразности. Причем, скорее всего, партия власти сложится на основе блока партий, а не какой-то одной из них.

К «МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ» ОДНОЙ ПАРТИИ?

Мне представляется, что конечная цель партийного строительства Путина — создание к выборам 2003-2004 годов мощной «партии власти». На мой взгляд, Путин, в отличие от Ельцина, решил все-таки пойти по этому пути. Недавно я спросил Шойгу, кому же он вручит партбилет номер 1. Он мне по секрету сказал, что достойный кандидат есть, и он с ним уже договорился.

Думаю, что это будет партия, куда запишут не только артистов, но и всех министров и губернаторов. Используя административный ресурс, она вполне сможет получить очень много голосов на выборах. И тогда у нас снова будет огромная доминирующая партия (мы можем это называть итальянской или японской системой). По сути, это будет «многопартийная система» одной, постоянно правящей партии или полупартийная система.

По моим оценкам, из нынешнего состава нижней палаты парламента реальные шансы пройти в следующую Думу имеют коммунисты и «партия власти». Думаю, что Союз правых сил, скорее всего, также может сохраниться в следующей Думе, если не наделает никаких глупостей. Что касается «Отечества», «Яблока» и ЛДПР, то эти партии могут в нее уже не пройти.

На сегодня я не вижу ни одной новой партии, которая на следующих парламентских выборах

могла бы реально переступить пятипроцентный барьер. Если и появятся партии, которые смогут это сделать, то это будут организации типа партии Шаманова или «Лебедь номер 2».

Но только в том случае, если Шаманову удастся за эти четыре года не потерять, как Лебедь в Красноярске, свою политическую известность, а еще больше закручивать гайки и страшать народ массой проблем, катаклизмов и катастроф, которые его подстерегают.

Не секрет, что в каждом субъекте Федерации, во всяком случае — в крупнейших, есть собственная политическая жизнь. Поэтому заложенная в законе идея ликвидации региональных партий пагубна для нашего федеративного государства. На мой взгляд, реализация этой идеи даст больше отрицательный результат, чем положительный, поскольку, по подсчетам Министерства юстиции РФ, в субъектах Федерации действуют порядка 400 отделений общефедеральных политических партий и около 700 региональных политических партий и организаций. Таким образом, мы одним этим законом ликвидируем половину политической элиты в регионах России. Зачем это делать, мне не понятно. Конечно, в принципе опасность усиления националистических партий типа партии «Иттифак» в Татарстане действительно

существует, особенно если будут предприняты какие-либо неверные шаги. Но сегодня националистические партии получают на выборах менее 1% голосов, они не представлены ни в Госсовете Татарстана, ни в местных Советах этой республики, так же, как и в других республиках.

Поэтому, если мы все-таки пойдем на поводу у авторов закона, то резко обедним политическую жизнь России. Приведу такой пример. «Отечество» провело в Москве опрос, в ходе которого москвичам-членам организации задавался вопрос: «Если политическая организация «Отечество» преобразуется в партию, останетесь ли вы в «Отечестве»?». От трети до половины опрошенных ответили, что им нравится Лужков, они будут за него голосовать, но в партию с жесткой дисциплиной, членскими взносами они не пойдут. Думаю, что такая картина будет характерна не только для «Отечества», но и для ряда других организаций, которые сегодня не являются политическими партиями.

Я считаю, что эволюционным путем мы и так достигаем своей задачи. На последних парламентских выборах, в отличие от выборов 1995 г., в Госдуму прошли шесть партий с огромным отрывом от всех остальных. Либо все маленькие партии будут вынуждены сгруппироваться вокруг больших, либо они действительно

БУДЕТ,

умрут в ближайшие десять лет собственной смертью. Поэтому большого вреда от их нынешнего существования я не вижу. Тем более люди уже давно разобрались, какие партии отражают их интересы. Поэтому мы должны направить наши усилия на то,

чтобы максимально исправить этот законопроект и не допустить, чтобы он привел нас к тому, что в России останутся одна большая «партия власти» и две-три партии, не имеющие никаких шансов когда-либо получить власть из рук этой партии.

Евгений СУЧКОВ

Директор Института избирательных технологий

ПУТЬ К УПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ

Зададимся вопросом, способствует ли предложенный Президентом закон развитию гражданского общества, реальной демократии, становлению многопартийности в нашей стране? Или же речь идет о строительстве манипулятивной или управляемой демократии?

Приводя аргументы в пользу закона, и руководители государства, и руководители Центральной избирательной комиссии часто ссылаются на опыт западных демократий, где существует стабильная политическая система, якобы базирующаяся на двух-трех основных политических партиях. При этом как бы упускается из виду, что, например, в тех же Соединенных Штатах реально зарегистрировано больше 100 политических партий. В том или ином объеме, они также являются субъектами политического пространства. Подобных примеров можно привести множество.

В странах развитой демократии политические партии сильны не только потому, что они хорошо работают. Главное – они сильны потому, что являются институтами хорошо развитого и структурированного гражданского общества. Западные демократии характерны не просто самим фактом существования гражданского общества, но в первую очередь тем, что интересы государства и интересы гражданского общества находятся в постоянном динамическом равновесии. И как только интересы того или другого субъекта политической игры начинают перевешивать, тут же начинают происходить политичес-

кие подвижки или даже катаклизмы. У нас же на сегодня государство стало основным, если, к сожалению, не единственным субъектом политической игры. Роль политических партий в России сведена к минимуму.

По нынешней Конституции и законодательству ни одна политическая партия в нашей стране реально не может прийти к власти. Она может лишь привести своих кандидатов в Государственную Думу. Сегодня политические партии лишены возможности формировать правительство, выдвигать кандидатуру премьер-министра и, соответственно, отвечать перед избирателями за результаты своей деятельности. В таких условиях ни о какой реальной политической многопартийности речи быть не может.

Говоря о слабости нынешних российских партий, не следует забывать, что она в значительной степени определяется слабостью российской экономики, для которой характерны засилье естественных и «неестественных» монополий, подавленность малого и среднего бизнеса, господство номенклатуры, региональный бонапартизм и, как производное от этого, низкий уровень жизни и маргинализация значительной части населения страны. Все это отвращает людей от любых форм участия в политической жизни общества. Эти факты прискорбны, но они существуют. Пока государство и общество их не преодолеют, надеяться на развитие партийной системы, создание сильных партий не приходится. Именно поэтому в нынешней ситуации для власти

перманентно актуальной является лишь одна задача – построение «партии власти», а точнее, определение конфигурации этой партии и предъявление ее избирателям.

Говорят, что гражданское общество искусственно создать нельзя, и это правда. Государство не может ждать, пока гражданское общество само по себе созреет, и соответственно, никакая власть, ни предыдущая, ни нынешняя не может передать свои полномочия (полностью или частично) в руки того, что еще не созрело и не структурировано. И это тоже правда. Но власть может создать условия для формирования гражданского общества. Задача эта сложная и объемная, требующая серьезных усилий и целенаправленной политической воли для своего решения. Однако закон о партиях в его нынешнем виде не говорит о том, что мы идем или хотя бы начинаем движение в этом направлении.

В заключение отмечу, что проект закона о партиях слабо или практически вовсе не регламентирует внутрипартийную жизнь. Он очерчивает в основном рамки контроля за деятельностью партий на федеральном уровне, но права членов партии этим законом не защищены, нормы внутрипартийной жизни региональных организаций не регламентированы. Это может привести, а зачастую уже приводит, к формированию партийной номенклатуры и соответственно превращению партий в чисто номенклатурные образования и их отрыву от реальной жизни и реальных проблем общества.

Вячеслав ИГРУНОВ

Депутат Государственной Думы, фракция «Яблоко»

ДВИЖЕНИЕ ВСПЯТЬ

Являюсь сторонником эволюционного процесса становления многопартийности и не вижу никаких проблем в существовании в России сотен партий, если реально в выборах участвуют лишь немногие из них, о которых в основном и говорят в обществе. Законопроект же о политических партиях, который, на мой взгляд, безусловно, пройдет через Думу, будет мешать этому эволюционному развитию. В случае принятия этого документа в его нынешнем виде, развитие политических партий в нашей стране пойдет как бы в обратном направлении. Как мы знаем, лишённые обратной связи, не укоренённые в социальной среде партии, так или иначе, лишаются общественной поддержки и либо сходят с политической сцены, либо претерпевают процесс внутреннего разложения. У нас на сегодня есть перспектива сохранения, может быть, только одной политической партии, а именно КПРФ, и разрушения всех остальных (если не считать за политическую партию «партию власти», которая не известно еще, какое обличье примет к следующим выборам). Возможно, и у Союза правых сил есть некоторая возможность сохраниться, но уже не

как политическая партия, отражающая интересы достаточно широких слоев населения, а как партия, которая отражает интересы довольно узкого сектора бизнеса и хорошо им финансируется. Таким образом, значительная часть нашего населения может лишиться политического представительства в парламенте и вообще в партийно-политическом спектре. По моим оценкам, речь идет примерно о 40% избирателей, которые не получают политическую партию, необходимую им для отстаивания собственных интересов. Вследствие этого они будут вынуждены на выборах или не голосовать, или голосовать за чуждые им партии, что не несет позитивного потенциала для политического развития нашей страны.

Поэтому, по моему убеждению, нам необходимо трансформировать этот законопроект, изъяв из него несколько наиболее важных деструктивных элементов, в первую очередь, касающихся ограничения численности партий. Цифра в 10 тысяч членов трудно достижима для только становящейся партии, но она не имеет положительного значения и для ныне существующих образований. Формирование политических

партий требует тщательного кадрового отбора, обучения, подготовки, профессионализации. На сегодня у нас нет ресурсов и времени для такой массовой профессионализации. В итоге стремительное расширение числа членов может привести к созданию охлократических партий, когда в лучшем случае в них пойдут люди, ориентирующиеся на одного человека, вождя, которого они знают и чье мнение является для них доминирующим. Мы знаем множество примеров того, как фактически один человек может навязать партии такую линию, которую ее реальное ядро не принимает. Поскольку финансирование также сосредоточено, как правило, в тех же самых руках, партия фактически деморализуется,

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Луис Матиас ЛОПЕС

ДУМА САНКЦИОНИРУЕТ СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ

Даже сопротивление, которое в последний момент решили оказать коммунисты, не помешало Президенту Владимиру Путину вновь использовать каток власти, чтобы добиться от Думы принятия в первом чтении закона о политических партиях, который занимает одно из ключевых мест в его планах по укреплению своей власти. Официально целью принятия этого закона является сокращение числа политических групп, чтобы упростить процесс проведения выборов и гарантировать плюрализм. Однако, по мнению критиков, в действительности речь идет о совершенно противоположном: усилении контроля со стороны государства.

Возможно, примерно 200 партий и политических организаций - это слишком для страны, которая

большую часть XX века прожила при абсолютном господстве одной единственной партии: коммунистической. Однако это не мешает критикам путинской инициативы бить тревогу в связи с посягательством на демократию, которая все еще находится в зачаточном состоянии и для которой настоящий плюрализм - роскошь.

В ходе заседания Думы рассматривалось пять проектов закона, однако принят был один - путинский. В его поддержку высказались 280 депутатов (109 - против). Законопроект предстоит пройти еще два чтения, однако вряд ли произойдет что-то неожиданное, хотя в него могут быть внесены поправки. Именно надежды на внесение поправок побудили проголосовать за этот законопроект большинство либеральных депутатов «Яблока» и СПС, проправительственного «Единства», ОВР ...и ультранационалистов Владимира Жириновского.

Из двух крупнейших фракций лишь коммунисты выступили против проекта, который, по мнению их

БУДЕТ,

ставится на колени и функционирует в интересах одного человека или небольшой элитной группы.

Таким образом, если мы формируем новую массовую политическую партию, в которой должно быть не менее 10 тыс. членов, мы делаем реальной угрозу манипулирования этой партией со стороны небольшой группы людей. Это будет уже авторитарная партия. В результате мы будем иметь возможность создавать сколько угодно авторитарных политических партий, но не будем иметь возможности создать хотя бы одну новую демократическую политическую партию. В этом заключается одно из важнейших противоречий данного закона, которое необходимо устранить с помощью поправок.

Кроме того, нужно изменить формулировку статьи 2 законопроекта, которая фактически лишает партии защитных механизмов. Согласно этой статье, любой человек, заявивший о своем согласии с программой и уставом партии, имеет право стать ее членом, даже по решению суда. Зная идеологические устремления авторов этого закона, могу утверждать, что это опасная формулировка, рассчитанная на неопытность и юридическую слепоту, поскольку она открывает дорогу властным структурам и финансовым группировкам для массового проникновения в партии с целью подчинения их воле либо самой власти, либо денежных магнатов.

Остановлюсь еще на одном положении закона, вызывающем, кстати, восторг у многих политических вождей, — о возможности введения императивного мандата. Нельзя недооценивать опасность этой формулировки, по сути означающей возможность подчинения депутатов партийным решениям. Чем это чревато? Поскольку наши партии на сегодня являются в основном охлократическими, лидеры этих партий могут организовать чистку инакомыслящих с целью гомогенизации состава политической партии, приведения ее членов к состоянию простых исполнителей. Поэтому, на мой взгляд, это положение в законе должно быть устранено.

Что касается прогнозов, то возникновение политических

партий, действующих на тех 40 процентах электората, о которых я говорил, условно на социал-демократическом поле, неизбежно. Трансформация или исчезновение ныне действующих политических партий тоже предопределены. Вопрос в том, почему не возникли новые политические партии. Говорят, что интеллигенция упустила время, не занималась этим. Но дело же не только в том, что она не хотела этим заниматься. Дело в том, что исторические условия не дали политического опыта и политического таланта этой интеллигенции. Поэтому у нас нет рынка ярких политических лидеров, которых мы могли бы представить обществу. Я убежден, что новые политические партии будут формироваться из круга пока еще не известных, но самостоятельных, сделавших успешную карьеру в бизнесе, управлении, публичной политике людей. И здесь совсем не обязательно ориентироваться только на яркие фигуры. Возьмите «Яблоко» и Союз правых сил. По данным опросов ВЦИОМ, СПС несколько более популярен в нашей стране, чем «Яблоко», хотя Г.Явлинскому доверяют 48% избирателей «Яблока», тогда как доверие электората СПС к ключевым лидерам правых составляет 1-2%. Это говорит о том, что возможности для создания эффективной политической партии невождистского типа в России существуют.

лидера Геннадия Зюганова, обрекает партии на постоянные проверки со стороны государства. Тем не менее, вряд ли эта позиция что-то изменит. Со своей стороны, либерал Владимир Рыжков считает, что речь идет скорее не о законе о партиях, а о законе об их ликвидации. По его словам, это все равно что предлагать больному гроб вместо лекарств. <...>

«Чем меньше будет партий и чем крупнее они будут, — заявил недавно Путин, — тем больше появится возможностей сформировать правительство на партийной основе и получить оппозицию, которая будет бросать вызов правительству.» Весьма удивительное заявление для лидера, который едва ли сознает, что никто не сможет бросить ему вызов.

El Pais. 8 февраля

Франсуа БОННЕ
КРЕМЛЬ ПЫТАЕТСЯ СОКРАТИТЬ ЧИСЛО
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

<...> Президенту Владимиру Путину удалось навязать депутатам Государственной Думы проект

весьма спорного закона, который должен резко изменить политический ландшафт России. 280 голосами «за» при 109 «против» парламентарии, наконец, одобрили текст закона по «организации политических партий». Принятие данного закона приведет к ликвидации значительного большинства политических партий. Противники нового закона расценивают его как новое проявление «соскальзывания к авторитаризму», установления «управляемой демократии». Между тем Кремль говорит о «модернизации» и создании «новой цивилизованной системы».

Осенью 2000 года Центральной избирательной комиссии было поручено разработать текст документа, который впоследствии был одобрен Путиным. Положения этого закона направлены на сохранение небольшой группы крупных партий (от трех до пяти) и ликвидацию всех остальных политических образований. Лишь оставшиеся партии смогут представлять своих кандидатов на региональные, парламентские и президентские выборы. <...>

С момента своего избрания Президентом Путин выступал за переустройство российского полити-

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ**Профессор Международного независимого
эколого-политологического университета**

В РОЛИ ПРОПАГАНДИСТСКИХ ПРИДАТКОВ ГОСУДАРСТВА

Я хотел бы остановиться на трех аспектах проблемы: как принятие законопроекта скажется на развитии отношений государства и гражданского общества; как это повлияет на циркуляцию элит в современной России; какое будущее ждет малые партийные образования. Непредвзятый анализ проблемы по всем трем направлениям позволяет говорить о явно негативных последствиях принятия подобного закона.

Немногочисленные сторонники президентского законопроекта уже выдвинули тезис, что его неприятие многими политиками и экспертами отражает заурядное недовольство интеллигенции укреплением государства и отрицанием его просветительской роли. Однако, на наш взгляд, базовое расхождение состоит не в противостоянии демократической интеллигенции и сторонников государственного просвещения масс, а в противостоянии профессионального подхода политологов и экспертов и административных инстинктов государственных чиновников, лоббирующих этот закон, в принципиальном различии в понимании, что есть партия, что

есть общество и что есть государство.

В нашей политической жизни можно выделить три уровня: нависающее над обществом и практически никем не контролируемое государство, значительно ниже – политические партии, пытающиеся на него воздействовать, затем массы граждан, на которые пытаются опираться политические партии. Собственно, партии и должны быть организацией граждан для контроля за государством, хотя фактически они такую роль не выполняют. Корень этого порочного положения – в истории десятилетней давности, когда выдвигалась и обосновывалась идея избавления органов власти от влияния КПСС. В концентрированном виде ее подлинная суть была выражена в известном заявлении С.Шахрая на процессе по «делу КПСС»: «Мы не коммунистическую партию хотим запретить. Мы хотим запретить любую партию, которая могла бы контролировать органы власти». Как ни парадоксально, это воспринималось тогда как апофеоз демократической мысли, хотя являлось концентрированным выражением идеи всеси-

лия и бесконтрольности государственного аппарата.

Сегодня четко формируется общая тенденция, реализуемая волей правящей группы, – подтянуть под себя все структуры общества: региональную власть, экономику, партии. Если бы мы имели ситуацию, при которой партии действительно были жестко связаны со своими сторонниками, избирателями, а некий правитель, претендующий на роль просвещенного автократа, сумел реально объединить вокруг себя все партии, выстроить баланс всех интересов, тогда это могло бы быть механизмом сплочения общества вокруг некой общей цели.

На деле же произойдет иное: партии действительно будут подтянуты под государство, устанавливающее предлагаемым

ческого пространства и указывал на преимущества двух- или трехпартийной системы. Выступая в декабре с телевизионным обращением, он так описывал этот проект: «В нашей стране нет стабильной политической структуры, потому что у нас нет стабильных политических партий. <...> С менее многочисленными и более мощными партиями мы сможем, опираясь на них, сформировать правительство и обрести оппозицию, способную более квалифицированно критиковать правительство».

Борис Грызлов, представитель президентской партии «Единство», созданной за три месяца до проведения парламентских выборов декабря 1999 года и занимающей второе место после Компартии, горячо поддержал данный законопроект: «В настоящее время мы имеем крайнюю форму демократии, анархию, – должны существовать лишь пять или шесть крупных партий». После распада СССР появилось множество политических организаций. По данным Министерства юстиции, сегодня в парламентских

выборах теоретически могут принять участие 179 партий и организаций. В большинстве своем это маленькие группки или фантомные образования, созданные каким-либо политическим деятелем.

В последние несколько лет ускорился процесс объединения и ликвидации партий. В парламентских выборах 1995 года приняли участие 43 партии. В выборах 1999 года их уже было всего лишь 28. Лишь 6 партий сумели преодолеть пятипроцентный барьер, и лишь 15% избирателей голосовали за небольшие политические образования, не представленные в Думе.

Кремлевский законопроект должен ускорить данный процесс. Чтобы получить право на существование, партия должна насчитывать в своих рядах не меньше 10 тысяч членов, иметь региональные организации, насчитывающие не менее 100 членов в более чем половине регионов Российской Федерации. Она должна представлять своих кандидатов на различные местные и национальные выборы, а в противном случае

БУДЕТ,

законом полный контроль за ними. В связи с их превращением в политотделы отрыв партий от общества еще более увеличится. Чем-то это напоминает ситуацию в ГДР, когда при пятипартийной системе четыре партии признавали руководящую роль пятой. Только там хотя бы одна партия могла контролировать государство. То же, что получаем мы, скорее напоминает ситуацию в Испании времен Франко, когда даже фашистская партия – фаланга – была у государства на вторых ролях, вела пропагандистскую работу, воспитывала кадры, но не больше. Роль, предлагаемая сегодня партиям в России, – это даже не роль комсомола в СССР, который в определенные периоды достаточно серьезно влиял на власть, особенно когда его представители занимали опреде-

ленные посты; это роль полностью подчиненных власти ее рычагов.

С высокой степенью вероятности развитие ситуации приведет к тому, что власть государства, превратившего партии в свои пропагандистские придатки, будет все больше отрываться от все меньше доверяющего ему общества. Партии, подконтрольные государству, никак не смогут на него влиять, не смогут отстаивать интересы тех самых секторов общества, на которые формально будут опираться. И основным козырем тех, кто захочет противостоять этой власти, станет эксплуатация негативного отношения не к проводимой государством политике, а к самой власти, самой политической элите. В условиях, когда на выборы приходит 60-66% населения, одним из самых доступных рычагов борьбы с властью станет срыв их проведения посредством становящегося все более популярным бойкота, а в перспективе – бойкотирование самой власти.

Второй вопрос – влияние этого процесса на ротацию элит, их кругооборот. По сути, за прошедшие 15 лет не была выполнена одна из основных задач, стоявших перед страной в середине 80-х годов, – не была осуществлена ротация старой, деградировавшей элиты. Уже тогда элита страны продемонстрировала неспособность выполнять свои функциональные задачи. Она не имела смыслов, которые для нее были бы выше обладания властью, она не могла ставить перед обществом новые цели в рамках базовых

мифов. Она не была способна применять насилие, что по классической теории элит Парето является свидетельством деградации элиты, для которой ее сибаритизм становится выше не только интересов общества, но и обладания властью.

Дефектность отечественной элиты выражается в дефектности наших политических партий, которые в своем нынешнем состоянии не способны полностью выполнять собственные функции. Это проявилось, в частности, в том, что, хотя действующая Конституция позволяет, в конечном счете, добиваться отставки правительства, пусть через роспуск парламента и проведение новых выборов, нынешние партии ни разу не осмелились пройти этот путь до конца.

Однако дефектность политических партий рождается из отсутствия ощущения реальности объекта борьбы. Можно добиться отставки правительства, но почти невозможно обеспечить формирование новой партией, победившей на выборах, обеспечить проведение через него курса победившей партии. В результате они вообще ни за что не отвечают. Они не могут получить большего, чем прохождение в парламент, и не имеют стимула рисковать достигнутым.

Представляется, что в итоге мы столкнемся с тремя последствиями принятия закона о партиях в его нынешнем виде. Во-первых, этот закон, выводя элиту из-под контроля масс, затрудняя ее ротацию,

будет запрещена. Государство будет финансировать политические партии, если те наберут более 3% голосов на парламентских или президентских выборах. Деятельность партий будет контролироваться Генеральной прокуратурой и Счетной палатой. <...>

Перечисленные критерии указывают на то, что будущее партий, представленных в настоящее время в Думе, весьма неопределенно. Лишь Коммунистическая партия и «Единство» полностью соответствуют выдвигаемым условиям. ОВР, избирательное объединение Примакова и Лужкова, оказалось в угрожающем положении, но может войти в состав «Единства». Группы депутатов-аграриев, «Регионы России», объединяющие местных политиков и чиновников, но не имеющие рядовых членов, как кажется, в сложившейся ситуации обречены на исчезновение. Наконец, «Яблоку» и СПС, скорее всего, придется объединиться, чтобы достичь требуемой, в соответствии с новым законом, численности.

Во всех партиях, за исключением «Единства», мнения депутатов при голосовании этого законопроекта разделились. Если многие из них сочли аргументацию Кремля приемлемой, направленной на улучшение структуры политической сферы, где настоящие политические партии не обладают реальным весом, то другие опасаются «восстановления влияния» бюрократии и «государственного финансирования».

Кремль заявляет о своей готовности рассмотреть изменения, которые могут быть внесены в ходе последующих чтений данного законопроекта, однако в процессе дальнейших этапов обсуждения общая концепция документа парламентом изменяться не должна.

Le Monde. 9 февраля

По материалам сайта
«InoPressa. Зарубежная пресса о России»

будет вести к нарастанию деградации нынешней элиты, избавленной от здоровой конкуренции со стороны других групп. Во-вторых, замедлится кругооборот элит, еще более усложнится ее ротация. В-третьих, при нарастающем падении доверия к государству, к партиям и элите в целом будет формироваться осознание необходимости радикальной внеинституциональной «зачистки» политической элиты.

Что касается будущего малых партий, то при всех административных ограничениях и сложностях на пути их регистрации этот вопрос остается решаемым: можно набрать фиктивных членов, можно скооперироваться для обеспечения требуемой численности при сохранении реальной политической независимости малых субъектов кооперации. Но основная перспектива для них связана даже не с этим. Незарегистрированные, они могут оказаться сильнее, чем зарегистрированные. Собственно, обеспечив свою регистрацию, они не получат ничего нового по сравнению с нынешним положением – проходить в парламент у них все равно не получается.

Мелкие партии клиентел-типа, объединенные вокруг своих минилидеров, никуда не исчезнут. Влиять, лишенные возможности участвовать в выборах, они не смогут. Но если бы они продолжали существовать в прежнем

режиме, то через одни-другие выборы умерли бы естественным путем, лишённые доверия в том поле, на котором пытались бы выступать. Новый же закон продлит их жизнь, лишая возможности существования в том поле, в котором они обречены. Он дарит им в глазах общества оправдание за непопадание в парламент. Раньше за свои поражения и слабость они должны были отвечать сами, и поддержка их избирателями снижалась. Теперь вина за их неучастие в выборах ложится на недемократический закон и навязавшее его государство, и так мало уважаемое обществом. При старом положении вещей они были неудачниками – теперь государство подарит им роль униженных и оскорбленных, то есть сделает в глазах общества такими же, какими оно видит себя в отношениях с властью.

Вряд ли они смогут выработать проекты, способные увлечь общество. Однако они смогут успешно эксплуатировать нарастающие протестные настроения общества, все более не доверяющего старой элите. Конечно, в их среде вряд ли возникнет новая РСДРП(б) – в силу особенностей составляющего их материала. Но вполне может родиться новая «Демократическая Россия», где разношерстные и полумаргинальные участники будут объединены одним, но отвечающим подспудным желани-

ЧТО ЕСЛИ

ям общества лозунгом «Долой власть! Все уничтожить!».

Таким образом, можно сделать вывод, что новый закон с высокой степенью вероятности приведет, во-первых, к нарастанию разрыва между элитой и массами, нарастанию недоверия общества к власти; во-вторых, углубит деградацию политической элиты и затруднит ее естественную ротацию; в-третьих, подготовит достаточно организованных и отчасти профессиональных вожаков нарастающего недовольства. В целом он подталкивает нас к глобальному катаклизму. Но при всей негативности этот процесс может оказаться позитивным, поскольку подтолкнет общество к радикальной смене элиты.

Владимир ПЕТУХОВ

Директор Центра социально-политического анализа
Российского независимого института социальных
и национальных проблем

В ДУХЕ НЕДОВЕРИЯ К ГРАЖДАНАМ

Мне представляется, что главная неудача президентского законопроекта заключается, во-первых, в том, что его разработчики апеллируют к некой нормативной модели многопартийной системы, которая, с одной стороны, представляет пройденный этап для западных демократий и которую, тем не менее, пытаются воспроизвести на российской почве, а с другой – игнорирует собственно российский контекст. В западных демократиях, как известно, политические партии

являются лишь одним из субъектов самых различных форм самоорганизации граждан, и при этом никому не приходит в голову предоставлять им преимущественные права и возможности по сравнению с другими формами политического участия и гражданской активности населения. Наш же закон прямо направлен на то, чтобы выделить политические партии в ряду всех прочих структур гражданского общества и отсечь последние от какого бы то ни было участия в политическом процессе.

Во-вторых, сам дух законопроекта пронизан недоверием к гражданам страны, их возможностям самостоятельно, с помощью избирательных бюллетеней, сформировать ту партийно-политическую систему, которая была бы адекватна (на данный период времени) их политическим и идеологическим представлениям и установкам. Между тем уже три прошедших избирательных кампании продемонстрировали значительный прогресс в совершенствовании законодательной базы

БУДЕТ,

выборов и достаточно высокий уровень политической культуры граждан, которые смогли легко сориентироваться в представленном многообразии партийных объединений и сделать вполне осмысленный выбор. Нам же предлагают фактически вернуться назад или, по крайней мере, сохранить статус-кво, предварительно отфильтровав малоперспективные с точки зрения разработчиков закона партии и объединения. В этом безобидном, на первый взгляд, посыле (сформировать три-четыре крупных политических партии) на самом деле таится реальная угроза роста

конформистских настроений и изменения мотивационно-поведенческих моделей. Имеется в виду следующее: лишившись возможности выбора из реального многообразия политических субъектов, многие избиратели будут вынуждены руководствоваться не столько собственными идейно-политическими предпочтениями, сколько вторичными факторами – способностью партии преодолеть пятипроцентный барьер, ее близостью к власти, популярностью лидеров и т.д. Все это наблюдается и сейчас. Но в случае вступления в силу этого закона, «спираль молчания» может раскрутиться еще в большей степени, чем это есть сейчас.

В-третьих, налицо явное противоречие между вытекающей из закона «монументализацией» партийно-политической системы и незавершенностью процесса социального и идейно-политического структурирования общества. Как показывают социологические исследования, в том числе Российского независимого института социальных и национальных проблем, более 54% россиян не имеют отчетливо выраженных идейно-политических предпочтений. Около 36% респондентов, в случае, если бы выборы состоялись в ближайшее время, либо не

пошли бы голосовать вообще, либо проголосовали бы «против всех». Иными словами, электоральное поле имеет незаполненные ниши и возможности для появления новых политических субъектов, о существовании которых сегодня мы даже и не подозреваем. Более того, уже к следующим парламентским выборам возможно существенное переструктурирование политического спектра, обусловленное изменениями в социальной структуре общества, которые, может быть, пока мало заметны, но, тем не менее, идут достаточно интенсивно. В частности, в рамках так называемого среднего класса, представителей которого многие политические партии хотели бы видеть в качестве своей социальной базы.

В целом же хотелось бы подчеркнуть, что развитие партийно-политической системы предполагает не столько «строительство» новой партийной системы, сколько органичный процесс вызревания объективных и субъективных предпосылок для социальной, идеологической и политической самоорганизации общества. И любое подхлестывание этого процесса, вмешательство в него извне принесет скорее больше вреда, чем пользы.

Александр МЕХАНИК

Вице-президент Института современной политики

ОГРАНИЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Закон о партиях в его нынешнем виде может остановить или разрушить происходящие в обществе процессы, которые наиболее заметны на региональном уровне. В настоящее время в регионах наблюдается формирование квазипартий в виде объединений депутатов законодательных (представительных) органов власти по различным признакам. Эти объединения приобретают все более устойчивый характер, не становясь при этом партиями, то есть организациями с жесткой дисциплиной или хотя бы квазидисциплиной. Тем не менее, за такими группами депутатов стоят определенные социальные

интересы. Общность их интересов поддерживается либо корпорациями, которые выдвигают своих кандидатов, либо общественным мнением. В качестве примера могу привести выборы в Архангельское областное Собрание депутатов, состоявшиеся в 2000 году. Некоторые кандидаты четко определяли свою позицию как защитников интересов бюджетников в областном Собрании. Другие прямо заявляли, что представляют интересы промышленных или финансовых группировок. Аналогичную ситуацию мы видим и в других областях: существуют группы защиты социальных интересов – бюджетников,

нефтяников и т.д. Это – квазипартии, но постепенно они изменяют ту партийную картину, которая сложилась на общефедеральном уровне. Новый закон резко ограничит возможность этого стихийного процесса формирования партий, защищающих реальные социальные интересы. В этом и заключается его опасность: закон ограничивает возможности граждан и депутатов на низшем – региональном и местном – уровне по самостоятельному политическому творчеству.

